

ЭКОНОМИКА

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2026. Т. 26, вып. 1. С. 4–15

Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2026, vol. 26, iss. 1, pp. 4–15

<https://eup.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2026-26-1-4-15>

EDN: EDPXZB

Научная статья

УДК 330.341.1+338.46

Проблема функциональности мертоновских норм в современном научном сообществе как следствие изменения макроэкономических и макросоциальных параметров исследовательской деятельности

К. В. Фенин , А. Н. Неверов

Институт психолого-экономических исследований, Россия, 410056, г. Саратов, ул. Сакко и Ванцетти, д. 54/60

Фенин Кирилл Вячеславович, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, exr@ipei.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1061-6602>

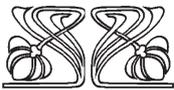
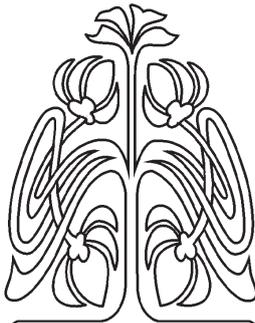
Неверов Александр Николаевич, доктор экономических наук, директор, neverov@ipei.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4219-5291>

Аннотация. *Введение.* В статье рассматриваются трансформационные процессы ценностной рамки научной деятельности и их влияние на качество научной информации как экономического блага. *Теоретический анализ.* В качестве отправной точки анализа используются нормы научного сообщества, сформулированные в работах Р. Мертона. *Эмпирический анализ.* Исходя из посылки о том, что наука становится эндогенным компонентом общего социально-экономического развития общества, авторы стремятся показать на примерах и статистическом материале отклонения реальной научной деятельности в разных странах от неформальных институциональных рамок, заданных социологией науки. Согласно экономической теории рост числа исследователей в науке должен был привести к росту качества продукции и снижению ее цены для покупателей. Однако текущие процессы в науке демонстрируют отклонения от экономических моделей для других видов деятельности человека, а также фиксируется справедливость положений Дж. Акерлофа о выдавливании «хороших» знаний «плохими» применительно к текущему этапу научной деятельности. *Результаты.* В качестве вывода предлагается тезис о том, что на практике «мертоновские» нормы вступают в фундаментальное противоречие с практикой научно-технологической гонки, что требует соответствующей научной рефлексии и развития исследований в данном направлении.

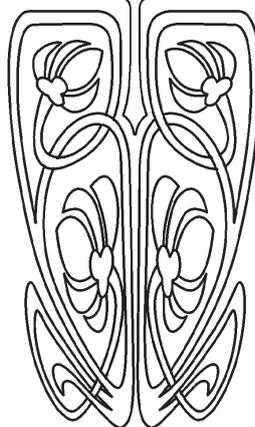
Ключевые слова: неформальные институты науки, Р. Мертон, технологизация научной деятельности, «рынок лимонов»

Для цитирования: Фенин К. В., Неверов А. Н. Проблема функциональности мертоновских норм в современном научном сообществе как следствие изменения макроэкономических и макросоциальных параметров исследовательской деятельности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2026. Т. 26, вып. 1. С. 4–15. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2026-26-1-4-15>, EDN: EDPXZB

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Article

Merton norms functionality problem in modern scientific community as a consequence of changes in macroeconomic and macrosocial parameters of research activity

C. V. Fenin , A. N. Neverov

Institute of Psycho-Economic Research, 54/60 Sacco and Vanzetti St., Saratov 410056, Russia

Cyril V. Fenin, exp@ipei.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1061-6602>

Alexander N. Neverov, neverov@ipei.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4219-5291>

Abstract. Introduction. The article considers the transformation processes of the scientific activity value framework and their impact on the quality of scientific information as an economic benefit. **Theoretical analysis.** The starting point of the analysis is the norms of the scientific community formulated in the works of R. Merton. **Empirical analysis.** Based on the premise that science is becoming an endogenous component of the general socio-economic development, the authors seek to show, using examples and statistical material, the deviations of real scientific activity in different countries from the informal institutional framework defined by the sociology of science. According to economic theory, the increase in the number of researchers in science should have led to an increase in the quality of products and a decrease in their price for buyers. However, current processes in science demonstrate deviations from economic models for other types of human activity, and the validity of J. Akerlof's provisions on squeezing out «good» knowledge by «bad» knowledge is recorded in relation to the current stage of scientific activity. **Results.** As a conclusion, the authors propose the statement that in practice, «Mertonian» norms come into fundamental conflict with the practice of the scientific and technological race, which requires appropriate scientific reflection and research development in this direction.

Keywords: informal scientific institutions, R. Merton, scientific activity technologization, market for «lemons»

For citation: Fenin C. V., Neverov A. N. Merton norms functionality problem in modern scientific community as a consequence of changes in macroeconomic and macrosocial parameters of research activity. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2026, vol. 26, iss. 1, pp. 4–15 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2026-26-1-4-15>, EDN: EDPXZB

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Для начала определим объект и предмет данного исследования. Под первым авторы понимают само научное сообщество, функционирование которого опосредуется определенными формальными и неформальными нормами (ценностями), под вторым – специфику генерации научного контента (в первую очередь, статей в периодических изданиях и монографиях) выше-названным научным комьюнити в современных условиях организации научно-исследовательского процесса.

Ценности (нормы) сообщества ученых, по-видимому, впервые в мировой науке в наиболее общей форме сформулировал американский социолог Р. Мертон в XX в. К этим неписанным правилам, регулирующим деятельность служителей науки на уровне неформальных институтов, относятся: а) «бескорыстность (не только в плане денег, но и славы или власти), б) коллективизм (ученые безвозмездно делятся знаниями друг с другом, изначально Р. Мертон называл это «коммунизмом»), в) организованный скептицизм (ничего не принимать на веру и нет незыблемых авторитетов), г) универсализм (научное знание нелицеприятно – неважно кто его формулирует, важно, чтобы оно было на-

учным)» [1, с. 36–37, 335–336]. Многие десятилетия эти нормы задавали институциональную среду для научной деятельности, формируя как сами стандарты генерации и презентации научных результатов, так и правила поведения и взаимодействия ученых внутри и вне научного сообщества. В современных условиях, когда научная деятельность становится все более технологически ориентированной, финансируется за счет инвестиций коммерческих структур и играет роль не только фундамента научно-технологической гонки, но и базы для экономической теории нарративов [2], экономической риторики [3, 4] и других подходов, манипулятивное использование труда ученых для «подталкивания» (nudging) человеческого общества в определенном направлении (в рамках концепции либертарианского патернализма) или, наоборот, экспертная роль реальных ученых становятся все более значимым моментом общего социально-экономического и социально-психологического развития Человечества.

Теоретический анализ

Логически опровергать функциональность норм, предложенных Р. Мертоном и получивших широкое распространение в научном

сообществе, не имеет смысла – при любом отношении к ним их роль в качестве институциональной рамки научной деятельности трудно переоценить. Надо отметить, что сам Р. Мертон в статье «Эффект Матфея в науке, II: Накопление преимуществ и символизм интеллектуальной собственности» [5] продемонстрировал позицию, которую можно интерпретировать как отличающуюся от им же предложенных ценностных оснований научной деятельности. Так, автор указывает на то, что слава, известность, авторитет и иные моральные предпочтения распространяются в среде ученых крайне неравномерно, и тем, у которых уже есть громкое имя и признание, «накапливать» эти предпочтения намного проще [5, с. 258–262]. Кроме того, Р. Мертон иерархизирует награды за научные достижения, начиная от присвоения имени ученого научной эпохе, Нобелевской премии, наименования научного закона в честь открывателя, членства в почетном научном сообществе и заканчивая формальным цитированием его научных работ [5, с. 269–270]. В данных, описанных самим Р. Мертоном условиях как минимум два его правила – бескорыстность и универсализм – перестают работать. Однако насколько «мертоновские» нормы сочетаются с современными тенденциями развития академического знания и его продуцентов? Поскольку наука в настоящее время все активнее становится эндогенным компонентом общего социально-экономического развития общества, исследование обозначенной проблемы становится актуальным.

Эмпирический анализ

В первую очередь, остановимся на универсализме: стоит отметить, что в современном мире пока что научное знание генерируется в основном мужчинами. Так, в русскоязычном академическом пространстве, по расчетам А. В. Ловакова и М. В. Пилкиной, в международной научной базе WoS среди 543 363 авторов из России на период с 2017 по 2019 г. доля мужчин-авторов составляла 73%, а доля женщин-авторов – 27% [6]. При этом в сфере «экономика и бизнес» распределение не столь радикальное: 64% мужчин и 36% женщин, в сфере «психиатрии и психологии» с неболь-

шим отрывом лидировали дамы: 52% против 48% авторов-мужчин. Исходя из данной статистики, можно математически предположить, что чаще всего цитируются статьи, написанные учеными-мужчинами (просто потому, что их численно больше). По данным Евростата, в 2021 г. в целом по ЕС распределение работников в сфере исследований также было в пользу мужчин: 66,3% vs 33,7% женщин. Исключение представляла только Сербия, не входящая в ЕС, в которой доля женщин в общем числе, занятых в научных исследованиях, составляла 52,3%. Примечательно, что в таких развитых странах, как Южная Корея и Япония, наличествует ультранеравенство занятости в академической сфере: в 2021 г. доля женщин в общем числе исследователей составляла соответственно 22,2 и 17,8% [6].

Игнорирование других мертоновских норм: бескорыстия и организованного скептицизма – тоже частое явление в современной научной среде. Яркий пример, продолжающий вдохновлять антиваксеров, – это статья английского врача Э. Уэйкфилда о взаимосвязи вакцины от краснухи, паротита и кори с аутизмом, опубликованная в журнале *The Lancet*. Хотя многие знают, что «результаты Э. Уэйкфилда давно опровергнуты, и сама его (уже отозванная) публикация преследовала чисто корыстные интересы – продвижение собственной вакцины от кори, на которую он хотел получить патент (то есть, сам доктор был не против вакцинации детей его препаратами)» [1, с. 103–104], данный нарратив продолжает пользоваться популярностью в сети «Интернет» в качестве отрицательного стимула, которому доверяют обыватели.

Здесь обозначается очень важная проблема о восприятии людьми ложной информации. Так, группа ученых под руководством А. Н. Неверова несколько лет назад экспериментально зафиксировала, что «фейковые новости и информационные каналы, не вызывающие доверия: 1) не провоцируют у потребителя информации негативных эмоций и не блокируются в качестве компонентов инфополя, 2) несмотря на избыточность данных ... человек склонен продолжать отслеживать ... информацию, которая заведомо воспринимается им как недостоверная, 3) ... враждебная и дружелюбная информация одинаково поступают к потребителю, и от-

сутствие доверия не приводит к отказу от ее потребления» [7, с. 75–76]. Особое место здесь занимает научная информация, поскольку на ее генерацию «требуется высококачественные и уникальные ресурсы, при этом она отдалена от удовлетворения первичных потребностей» [8, с. 43–44]. Итоговый вывод из полученных данных был таков: «...раскрытие и доказательство ложности ... источника информации, приводящее к снижению доверия, не есть надежный инструмент противодействия поступлению враждебной информации в когнитивное поле как на индивидуальном, так и групповом уровнях» [9, с. 78–79]. Поэтому даже отзыв статей, содержащих ложные данные, и размещение их, к примеру, на специальном сайте Retraction Watch¹, созданном по инициативе доктора медицины А. Орански и историка науки А. Маркуса для борьбы с издательствами мусорных журналов и недобросовестными исследователями, окончательно не пресекает их использование в качестве источников информации [1, с. 90, 91]. Более того, на них даже продолжают ссылаться, а в некоторых случаях наблюдается рост цитирований, следующий после отзыва статьи. Один из вариантов объяснения подобной толерантности к явной лжи проистекает из того, что многие нематериальные сферы: литература, живопись, театр, кино, формирующие нашу культуру, основаны на мифах. Как отметил Д. К. Казеннов, ссылаясь на английского философа С. Т. Кольриджа, «ради получения удовольствия от интересного ... произведения люди готовы осознанно сдерживать своё недоверие (англ. suspension of disbelief) по отношению к вымышленным элементам сюжета» [10, с. 19].

Также нередки случаи, когда ученые проводят изыскания, сдвигая шансы в свою пользу – для верификации своей гипотезы. Причем публикация лишь положительных результатов стала новым императивом. К примеру, в 2010 г. Д. Фанелли, специалист по метануке, проработал 2,5 тыс. статей по разным дисциплинам, рассчитав, в скольких из них сообщалось о положительных результатах проверки первой предложенной гипотезы. В различных областях науки уровень позитивности оказался разным, но самым высоким – в

¹ Retraction Watch : [сайт]. URL: <https://retraction-watch.com/> (дата обращения: 04.12.2025).

психологии, где положительные результаты содержались в 91,5% публикаций [1, с. 111, 113, 115]. С. Ричи отмечает: «...исследование случаев формулирования гипотез учеными уже после получения итоговых данных, основанное на опросе англоязычных экономистов, показало, что 32% респондентов “представляли эмпирические результаты избирательно, чтобы они подтверждали их аргументы”, а 37% опрошенных – “прерывали статистический анализ, когда получали необходимый исход” – когда p -значению случалось опуститься ниже 0,05, хотя это могло быть стечение обстоятельств. В общем, создается такое впечатление, что специалисты “подкручивают” свои исследования ровно настолько, чтобы результаты поднырнули под линию в 0,05, а затем отсылают их в журналы» [1, с. 131, 138].

Подобная публикационная «позитивная» революция есть следствие существенного роста числа работников научной сферы (исследователей) и расходов на НИОКР (R&D) в продолжение последних 25–30 лет как по миру в целом, так и на уровне отдельных регионов и государств (табл. 1, 2; см. также [11]).

Данные экономические и «демографические» факторы и привели к изменениям в функционировании академического сообщества [11]. При этом нельзя утверждать, что профессия ученого стала (и вряд ли вообще когда-то станет) одной из сверхпопулярных форм трудовой активности: к примеру, в 2023 г. в ЕС, Турции и России доля работающих в R&D от общей численности занятых составила всего 1,7, 0,9 и 0,5% соответственно, а «большинство тех, кто получает ученую степень, не остаются в науке навсегда» [1, с. 402]. В других странах и регионах мира ситуация схожая (табл. 3). Однако сложно оспаривать, что существенное увеличение числа исследователей в абсолютном выражении «значительно обострило соперничество и создало жесткие и агрессивные условия в среде научных работников» [1, с. 402].

Исключение составляет, пожалуй, лишь Россия, в которой с 1996 по 2023 г. относительная численность научных работников сократилась на 28,0%. Другими примерами сравнительного долгосрочного тренда снижения численности трудящихся в сфере НИОКР выступают Гватемала (с 2005 по 2021 г. минус

Таблица 1 / Table 1

Динамика исследователей в сфере НИОКР по разным странам и регионам мира, на млн чел., %
Dynamics of researchers in the field of R&D in different countries and regions of the world,
per million people, %

Страна / регион	Количество исследователей в сфере R&D (на млн чел.) / (год)		Прирост / убыль, %
РФ	3787,8 (1996)	2741,3 (2023)	-27,6
ЕС	1974,4 (1996)	4451,7 (2022)	+125,5
Грузия	604,2 (2013)	1823,0 (2022)	+201,7
Турция	302,5 (1996)	1999,5 (2021)	+561,1
Ирландия	1787,1 (1996)	5250,7 (2021)	+193,8
КНР	447,9 (1996)	1687,1 (2021)	+276,6
Индия	153,4 (1996)	260,4 (2020)	+69,8
Сингапур	2532,1 (1996)	7224,7 (2020)	+185,3
Гонконг	1049,7 (1998)	4809,0 (2022)	+358,1
Макао	262,8 (2001)	3544,5 (2022)	+1248,9
Япония	4916,6 (1996)	5638,4 (2021)	+14,7
Таиланд	100,9 (1996)	1699,1 (2021)	+1583,3
Южная Корея	2185,1 (1996)	9081,9 (2021)	+315,6
Израиль	7291,0 (2011)	8250,0 (2012)	+13,2
Тунис	1064,5 (2007)	1672,0 (2022)	+57,1
ОАЭ	2066,5 (2015)	2666,0 (2021)	+29,01
Аргентина	696,6 (1997)	1283,8 (2021)	+84,30
Канада	3073,5 (1996)	5076,2 (2020)	+65,2
США	3152,5 (1996)	4451,8 (2020)	+41,2
Новая Зеландия	2200,7 (1997)	5102,3 (2021)	+131,85
Страны с высоким доходом	2942,0 (1996)	4259 (2020)	+44,8
Страны со средним доходом	470,3 (2005)	874,2 (2020)	+85,9
Страны с низким и средним доходом	527,3 (2010)	629,7 (2015)	+19,4
Мир	1077,8 (2000)	1521,1 (2018)	+41,1

Сост. по: Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: www.gks.ru (дата обращения: 13.11.2025) ; Indicators. World Bank Group : [сайт]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator> (дата обращения: 04.12.2025).

Compiled according to: Federal State Statistics Service. Site. Available at: www.gks.ru (accessed November 13, 2025) ; Indicators. World Bank Group. Site. Available at: <https://data.worldbank.org/indicator> (accessed December 4, 2025).

51,5%) и Украина (с 2006 по с 2022 г. минус 60,5%). Хотя номинальный рост расходов на НИОКР в нашей стране в 1996–2023 гг. был довольно существенным – на 407,9%, удельный вес средств, выделяемых на науку в РФ, от ВВП при этом невысок и отличается стабильностью – в среднем в 1996–2023 гг. 1,1% (максимальное значение 1,29% ВВП, минимальное – 0,94%

ВВП. Близкие аналоги такой методичности в представленной выборке – Индия и Ирландия, у которых в 1996 г. расходы на НИОКР соответственно составили 0,64 и 1,3% ВВП. В Индии в 2020 г. расходы на НИОКР достигли 0,65% ВВП, в Ирландии в 2022 г. упали до 0,96% ВВП).

С точки зрения классической школы экономической теории (в рамках экстраполирова-

Таблица 2 / Table 2

**Динамика расходов на НИОКР по разным странам и регионам мира, млрд долл. США
(в текущих ценах), %**
**Dynamics of R&D expenditures in different countries and regions of the world, billion US dollars
(in current prices), %**

Регион / страна	Расходы на R&D, млрд долл. США / (год)		Прирост, %
РФ	3,8 (1996)	19,3 (2023)	+407,9
ЕС	143,2 (1996)	381,2 (2022)	+166,2
Грузия	0,01 (1996)	0,08 (2023)	+659,88
Турция	0,8 (1996)	12,01 (2022)	+1401,25
Ирландия	0,96 (1996)	5,28 (2021)	+450,0
КНР	4,9 (1996)	456,9 (2022)	+9224,5
Индия	2,5 (1996)	20,5 (2020)	+715,4
Сингапур	1,3 (1996)	7,5 (2020)	+492,92
Гонконг	0,7 (1998)	4,2 (2023)	+480,9
Макао	0,004 (2001)	0,121 (2023)	+2729,6
Япония	130,1 (1996)	144,95 (2022)	+11,4
Таиланд	0,2 (1996)	5,7 (2022)	+2533,44
Южная Корея	13,5 (1996)	87,2 (2022)	+545,93
Израиль	2,9 (1996)	31,6 (2022)	+1005,52
Тунис	0,126 (2002)	0,313 (2019)	+148,97
ОАЭ	1,71 (2011)	6,21 (2021)	+263,97
Аргентина	1,1 (1996)	3,5 (2022)	+206,02
Канада	10,1 (1996)	36,5 (2023)	+259,73
США	197,8 (1996)	932,7 (2022)	+371,5
Новая Зеландия	0,7 (1997)	3,7 (2021)	+432,55
Страны с высоким доходом	567,1 (1996)	1904,6 (2022)	+235,85
Страны со средним доходом	34,4 (2000)	678,4 (2021)	+1871,5
Страны с низким и средним доходом	35,1 (2000)	686,8 (2021)	+1855,9
Мир	627,2 (1996)	2722,6 (2022)	+334,1

Сост. по: Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: www.gks.ru (дата обращения: 13.11.2025) ; Indicators. World Bank Group : [сайт]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator> (дата обращения: 04.12.2025).

Compiled according to: Federal State Statistics Service. Site. Available at: www.gks.ru (accessed November 13, 2025) ; Indicators. World Bank Group. Site. Available at: <https://data.worldbank.org/indicator> (accessed December 4, 2025).

ния постулатов А. Смита, Д. Рикардо, Ж.-Б. Сея и ряда других представителей этой школы на сферу научной деятельности) возникает интересная ситуация – рост числа исследователей («производителей академического контента»), приводящий к росту конкуренции, должен был бы положительно сказаться как на *качестве* продукции, так и на ее *цене* для потенциа-

льных потребителей: государственных ведомств, частных компаний, самих ученых. Если последнее было достигнуто: несмотря на существенное увеличение ассигнований на НИОКР, «вся научная литература удваивается в объеме каждые 9 лет» [1, с. 225], поэтому стоимость единицы продукции из-за эффекта масштаба снизилась, – то первое остается под вопросом.

Таблица 3 / Table 3

**Динамика удельного веса исследователей, занятых в НИОКР по разным странам и регионам мира,
% от общего числа работников**
**Dynamics of the proportion of researchers engaged in R&D in different countries and regions of the world,
% of the total number of employees**

Страна / регион	Доля работников в секторе R&D, % от общего числа занятых / (год)	
РФ	0,66 (1996)	0,50 (2023)
ЕС	0,40 (1996)	1,70 (2023)
Ирландия	0,37 (1996)	0,88 (2021)
Грузия	0,11 (2013)	0,33 (2022)
Турция	0,06 (1996)	0,90 (2023)
Южная Корея	0,36 (1996)	1,49 (2021)
Сингапур	0,48 (1996)	1,12 (2020)
Япония	0,80 (1996)	0,93 (2021)
КНР	0,06 (1996)	0,26 (2021)
Гонконг	0,18 (1998)	0,86 (2022)
Макао	0,04 (2001)	0,53 (2022)
Индия	0,03 (1996)	0,06 (2020)
Таиланд	0,01 (1996)	0,26 (2021)
Израиль	1,24 (2011)	1,36 (2012)
ОАЭ	0,27 (2015)	0,36 (2021)
Тунис	0,26 (2007)	0,43 (2022)
Аргентина	0,15 (1997)	0,23 (2021)
Канада	0,53 (1996)	0,87 (2020)
США	0,50 (1996)	0,78 (2020)
Новая Зеландия	0,36 (1997)	0,75 (2021)
Страны с высоким доходом	0,52 (1996)	0,75 (2020)
Страны со средним доходом	0,08 (2005)	0,16 (2020)
Страны с низким и средним доходом	0,09 (2010)	0,11 (2015)
Мир	0,18 (2000)	0,26 (2018)

Сост. по: Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: www.gks.ru (дата обращения: 13.11.2025) ; Indicators. World Bank Group : [сайт]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator> (дата обращения: 04.12.2025) ; R&D personnel. Eurostat. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=R%26D_personnel (дата обращения: 04.12.2025).

Compiled according to: Federal State Statistics Service. Site. Available at: www.gks.ru (accessed November 13, 2025) ; Indicators. World Bank Group. Site. Available at: <https://data.worldbank.org/indicator> (accessed December 4, 2025) ; R&D personnel. Eurostat. Available at: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=R%26D_personnel (accessed December 4, 2025).

Следствием «массовизации» профессии исследователей в различных областях научного знания, в том числе и экономического, стало институциональное нормирование НИОКР и публикационной активности. По мнению Р. И. Капелюшникова, регуляция

выразилась в том, что возросла роль общих формальных критериев и процедур на всех этапах исследовательских процессов, а журналы превратились в инструмент сертификации качества научного контента [12]. Это, в свою очередь, привело к возникновению различных

рейтингов и индексов, исчисляемых для исследователей, университетов и журналов. Эти бюрократические КРІ, релевантность которых вызывает сомнения и споры в научной среде, но которым все равно надо соответствовать, необходимы для определения того, какие научные коллективы и направления заслуживают финансирования [11, с. 56–58; 12, с. 111, 112; 13, с. 238; 14; 15]. Поскольку значительная часть исследователей в современном мире работают в секторе предпринимательства, даже в КНР (рис. 1, 2), достойным спонсирования считаются положительные научные результаты, потому что эти самые понятные бизнесменам КРІ. Данный, по С. Ричи, «порочный стимул» привел к «эффекту кобры» – стремлению к еще большому количеству публикаций, дающих карьерный рост, престиж и деньги [1,

с. 38, 223–238]. Разумеется, есть исключения: в Аргентине (с 1997 по 2022 г.), России и Сингапуре (с 1994 по 2021 г.), Швейцарии (с 1992 по 2021 г.), ЮАР (с 2001 по 2021 г.) удельный вес исследователей, занятых в бизнес-секторе, снизился². Но и в других секторах также могут действовать причины, негативно влияющие на качество исследований. В государственном секторе – бюрократия, в секторе высшего образования – сложность совмещения работы преподавателя и ученого и т.п.

² Российская наука в цифрах: 2023 / В. В. Власова, Л. М. Гохберг, К. А. Дитковский и др. ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : НИУ ВШЭ, 2023. 48 с. ; OECD Data Explorer [Электронный ресурс]. URL: <https://data-explorer.oecd.org> (дата обращения: 04.12.2025) ; R&D personnel. Eurostat. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=R%26D_personnel (дата обращения: 04.12.2025).

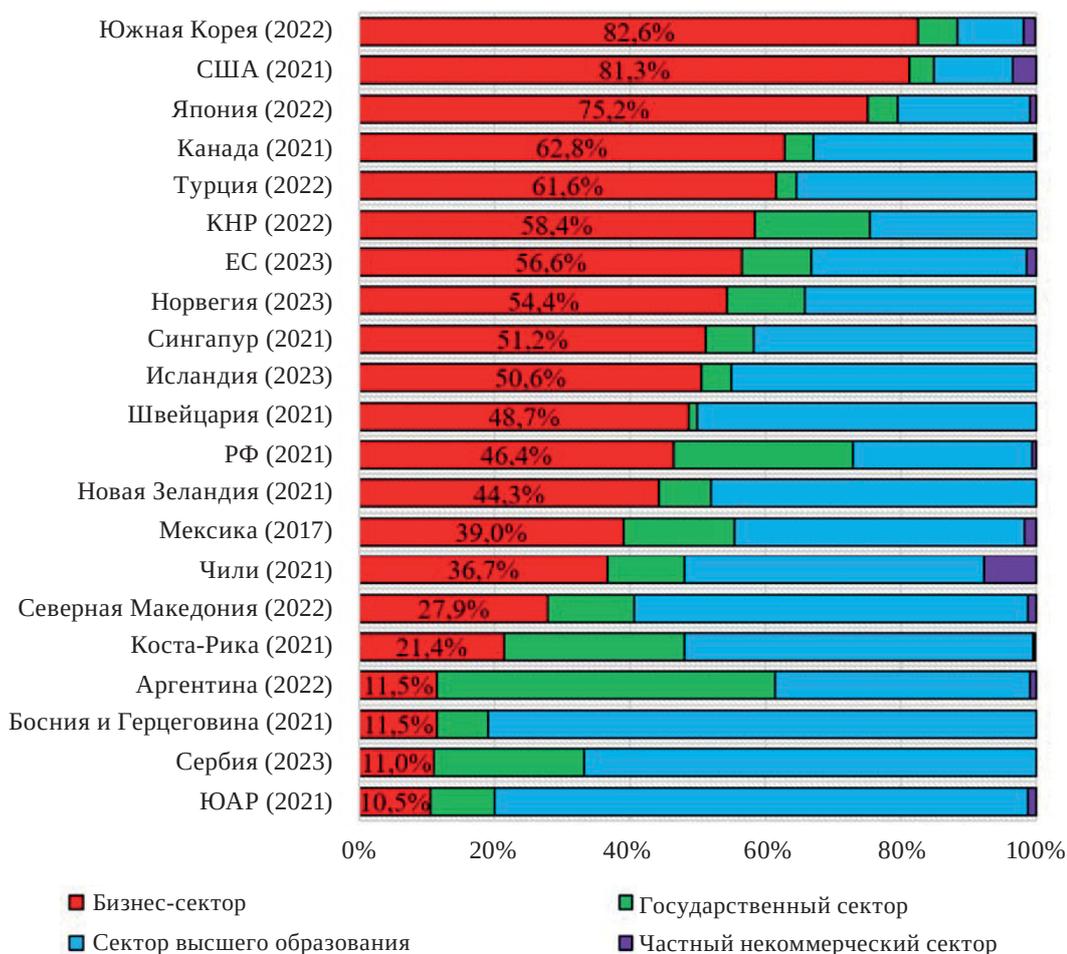

Рис. 1. Распределение исследователей по секторам экономики в 2017–2023 гг. по регионам и странам, % от общего числа исследователей (цвет онлайн)

Fig. 1. Distribution of researchers by economic sectors in 2017–2023 by regions and countries, % of the total number of researchers (color online)

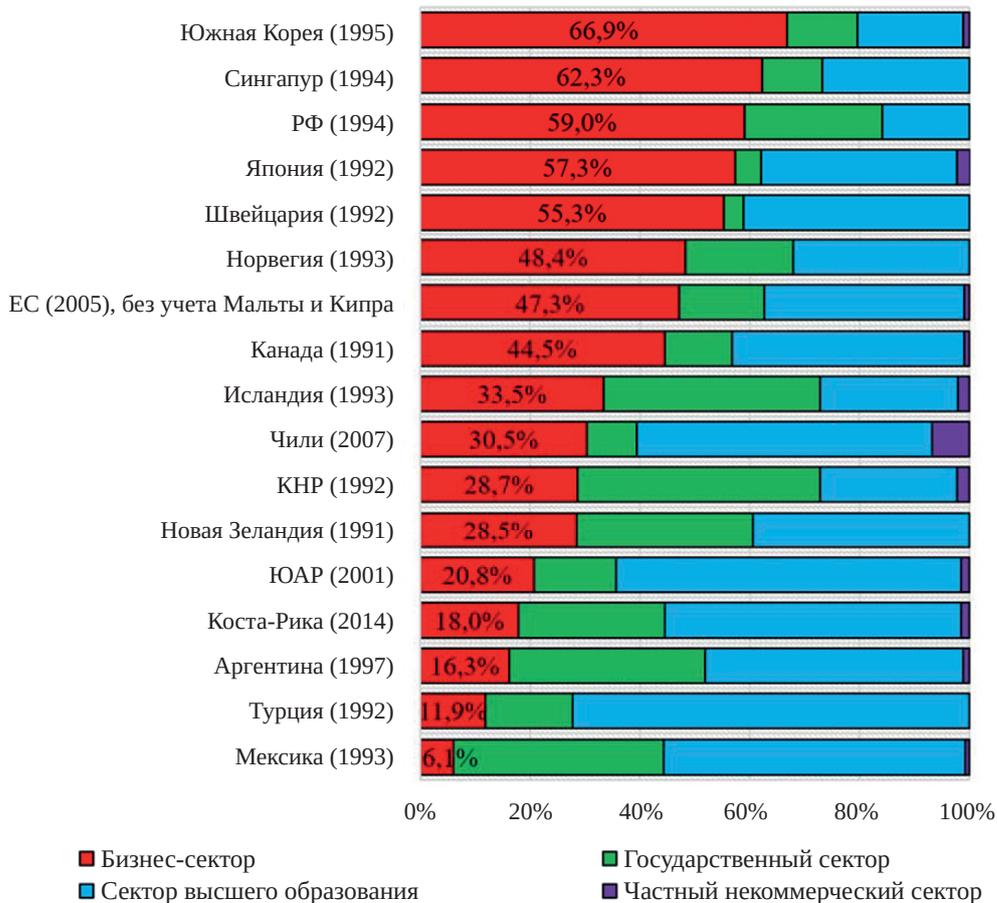

Рис. 2. Распределение исследователей по секторам экономики в 1991–2007 гг. по регионам и странам, % от общего числа исследователей (цвет онлайн)

Fig. 2. Distribution of researchers by economic sectors in 1991–2007 by regions and countries, % of the total number of researchers (color online)

Описанная ситуация может быть интерпретирована иначе – с опорой на фундаментальную работу Дж. Акерлофа «Рынок “лимонов”: неопределённость качества и рыночный механизм» [16]. Рассуждая в *стиле* упомянутого лауреата Нобелевской премии по экономике 2001 г., *логику объяснения* можно выстроить следующим образом: раз критерии качества исследований (в данном случае научных публикаций – статей в журналах) не всегда очевидны, их потребители, которые порой не относятся к научному сообществу, но могут быть предпринимателями, заказавшими эти исследования, не способны отличить хорошие академические результаты от плохих. В подобных условиях научные работники, генерирующие качественные исследования, содержание истинные, но *не* положительные результаты, оказываются в невыгодном положении – они могут не получить финансирование. Таким образом, возникает эффект, подобный

закону Грешема – Коперника, когда «хорошие» деньги вытесняются «плохими». В условиях асимметрии информации КРІ для исследований должны помогать обывателям разобраться в качестве научных изысканий. Есть также интуитивно понятный критерий результативности, принимаемый бизнес-сообществом, который должен быть положительным (какой вообще смысл в отрицательном в итоге?). Здесь возникают фальсификаторы, которые пытаются выдать свою «продукцию» за качественную – исследования, рапортующие о сугубо положительных результатах, вытесняя с рынка публикаций честных научных работников, результаты которых отрицательны, но достоверны. Причем издержки недобросовестного поведения научных работников, склонных к обнародованию только положительных, социально одобряемых и ожидаемых, но ложных результатов, не ограничиваются той суммой, на которую они обма-

нывают потребителя, в них также включаются потери, связанные с дискредитацией самой науки и «эффектом выталкивания» честных исследователей, сужающим само академическое сообщество [16, с. 92–93, 98–99].

Эффект от массовизации научной деятельности, в наибольшей степени проявляющийся в числе генерируемых в открытой печати публикаций и иных результатов научно-технической деятельности (РНТД), несмотря на вышесказанное, не такой однозначный. Существуют точки зрения, согласно которым потенциально рост числа ученых и их продукции может привести к росту эффективности и отдачи. Так, Дж. Иоаннидис отмечает, что, с одной стороны, рост инвестиций в конкретное направление исследований и связанный с ним рост престижа занятия научными проблемами в нем способны: а) привлечь большую долю квалифицированных специалистов; б) привести к разворачиванию более масштабных исследовательских программ и коллективов; в) обеспечить большой объем экспериментальных исследований и связанных с этим улучшением стандартов, процедур получения данных; г) привести к обнаружению большего объема гипотез и обеспечить предиктивную ценность результатов [17, с. 698–699]. С другой стороны, рост количества научных работников может вылиться в рост числа исследовательских групп, что способствует обострению конкуренции за ресурсы. Более жесткая конкурентная борьба провоцирует развитие технологии недобросовестной конкуренции, что побуждает отдавать приоритет распространению даже некачественных или непроверенных результатов, а также попыткам обеспечить медийный приоритет своим результатам по сравнению с оппонентами. Дж. Иоаннидис также отмечает, что «чем больше финансовых интересов в научной области, тем меньше вероятность того, что результаты исследования будут правдивыми» [17, с. 698–699]. Вероятно, чтобы добиться продуктивной и честной работы научных коллективов, следует обращать особое внимание на дизайн организации научной деятельности. Но в целом можно констатировать, что данные тенденции вступают в прямое противоречие с «мертоновскими» ценностными ориентирами, а на практике приводят к тому, что помимо исследований, ориентированных на обеспечение

национальной безопасности, которые уже давно находятся в сложных отношениях с механизмами «открытой науки», в нишу конфиденциальных все активнее попадают и другие фундаментальные разработки, потенциально способные обеспечить технологическое преимущество тому инвестору, который получит их результаты раньше других участников экономического процесса. Это меняет фундаментальные основания научной деятельности, переводя все большую и наиболее продуктивную часть ее из разряда публичных благ в мериторные и даже в частные.

Результаты

Таким образом, на практике «мертоновские» нормы в настоящее время все активнее вступают в фундаментальное противоречие с практикой научно-технологической гонки, что, в свою очередь, все чаще приводит к их системному игнорированию со стороны наиболее продуктивной части научного сообщества. Данные сдвиги в неформальной институциональной основе научной деятельности пока слабо рефлексированы экономической теорией науки и теориями технико-экономического развития, что делает развитие исследований в данном направлении одной из перспективных и важных фундаментальных задач на ближайшие годы.

Кроме того, «люди науки», которые должны двигать инновации, могут быть крайне консервативны: «...именитые ученые обладают исключительными знаниями и репутацией, ценность которых может уменьшиться или вообще сойти на нет из-за морального устаревания, вызванного новой теорией, нивелирующей значимость накопленного опыта. Поэтому “научный истеблишмент” в своих же интересах вынужден атаковать все свежие идеи как потенциальные угрозы своего монопольного привилегированного положения. Сюда еще примешиваются риск и неопределенность, связанные с разработкой даже перспективных, на первый взгляд, концепций. Поскольку многие из них могут быть провальными. Последствия неудач от таких бесплодных работ могут быть очень существенными, а выигрыш для тех, у кого уже все есть, не столь значимым, чтобы подвергать себя риску» [18, с. 7–8]. Поэтому возникает парадоксальная ситуация, когда косность становится системным признаком академической

среды, которая все-таки меняется и меняет весь мир вокруг себя. В итоге одной из основных проблем на пути становления рыночных отношений в отечественной науке выступает тот факт, что научное знание в значительной степени изначально воспринималось не частным, а публичным благом, генерация которого была и остается в конкретных цивилизационных рамках краеугольным камнем существования суверенной национальной экономики, а также формирует национальную идентичность и безопасность страны.

В этих условиях необходимо развитие инструментов институционального и технико-экономического проектирования научной деятельности как объективно эндогенной по отношению к экономическому развитию отдельных стран, мировой экономики и Человечества в целом.

Список литературы

1. Ричи С. Наукообразная чушь. Разоблачение мошенничества, предвзятости, недобросовестности и хайпа в науке. М. : АСТ : CORPUS, 2024. 432 с.
2. Шиллер Р. Дж. Нарративная экономика. Новая наука о влиянии вирусных историй на экономические события. М. : Эксмо, 2023. 416 с.
3. Макклоски Д. Риторика экономической науки. 2-е изд. / пер. с англ. О. Якименко ; науч. ред. перевода Д. Расков. М. : СПб : Изд-во Ин-та Гайдара ; Международные отношения, Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2015. 328 с.
4. Расков Д. Е. Риторика новой институциональной экономической теории // Вопросы экономики. 2010. № 5. С. 81–95. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2010-5-81-95>, EDN: LSRLGB
5. Мертон Р. К. Эффект Матфея в науке, II: Накопленные преимуществ и символизм интеллектуальной собственности // THESIS. 1993. Вып. 3. С. 256–276.
6. Pilkina M., Lovakov A. Gender disparities in Russian academia: A bibliometric analysis // Scientometrics. 2022. Vol. 127, № 6. P. 3577–3591. <https://doi.org/10.1007/s11192-022-04383-w>, EDN: ODFUYI
7. Демченко А. М., Кремнев В. В., Неверов А. Н., Неверова А. В., Пьяных Д. С. Доверие к источникам информации в условиях ее избыточности: экономико-психологический и нейроэкономический аспекты // Ученые записки Института психологии РАН. 2022. Т. 2, № 2. С. 64–78. https://doi.org/10.38098/proceedings_2022_02_02_06, EDN: SMVZKY
8. Неверов А. Н., Латков А. В. К вопросу о сущности экономического пространства // Психолого-экономические исследования. 2015. Т. 2 (8), № 1. С. 30–51. EDN: WEBPNJ
9. Демченко А. В., Кремнев В. В., Неверов А. Н., Пьяных Д. С., Гусаров Ю. В. Влияние дружественной и враждебной информации в условиях геополитического противостояния на экономическое поведение // Эргодизайн. 2023. № 1 (19). С. 69–80. <https://doi.org/10.30987/2658-4026-2023-1-69-80>, EDN: ROLXGN
10. Казеннов Д. К. Жизнь без Бога: где и когда появились главные религиозные идеи, как они изменили мир и почему стали бессмысленными сегодня. М. : Эксмо, 2014. 480 с.
11. Фенин К. В., Будушева А. А., Рябова В. С., Щетинина А. Р. Причины сложности оценки экономической эффективности образования и дискриминации в оплате труда его работников в новейшей истории России // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Экономические науки. 2019. № 2 (10). С. 50–62. <https://doi.org/10.21685/2309-2874-2019-2-6>, EDN: PXBYNZ
12. Капелюшников Р. И. О современном состоянии экономической науки: полусоциологические наблюдения // Вопросы экономики. 2018. № 5. С. 110–128. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-5-110-128>. EDN: UNYYZD
13. Гребер Д. Бредовая работа. Трактат о распространении бессмысленного труда. М. : Ад Маргинем Пресс, 2025. 368 с.
14. Дворникова О. Ф., Спасенников В. В., Дворников С. В. Управление научной деятельностью креативных сотрудников в высшей школе с использованием наукометрических индикаторов // Эргодизайн. 2023. № 1 (19). С. 3–12. <https://doi.org/10.30987/2658-4026-2023-1-3-12>, EDN: ZEFYTY
15. Спасенников В. В., Сканцев В. М., Молчанова Н. В. Публикационная активность и продуктивность преподавателей в зеркале наукометрии // Эргодизайн. 2022. № 1 (15). С. 55–65. <https://doi.org/10.30987/2658-4026-2022-1-55-65>, EDN: QFRPBR
16. Акерлоф Дж. А. Рынок «лимонов»: неопределённость качества и рыночный механизм // THESIS. 1994. Вып. 5. С. 91–104.
17. Ioannidis J. P. A. Why Most Published Research Findings Are False // PLoS Medicine. 2005. Vol. 2, iss. 8. Art. e124. <https://doi.org/10.1371/journal.pmed.0020124>
18. Фенин К. В. Зарождение и развитие экономической герменевтики в недрах советского марксизма и неоклассического синтеза // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 4–9. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-1-4-9>, EDN: DZPMDC

References

1. Richi S. *Science fictions: Exposing fraud, bias, negligence and hype in science*. Moscow, AST : CORPUS, 2024. 432 p. (in Russian).
2. Shiller R. J. *Narrativnaya ekonomika. Novaya nauka o vliyaniy virusnykh istoriy na ekonomicheskie sobyitiya*

- [Narrative economics: How stories go viral & drive major economic events]. Moscow, Eksmo, 2023. 416 p. (in Russian).
3. McCloskey D. *The rhetoric of economics*. Moscow, St. Petersburg, Gaydar Institut Publ.; Mezhdunarodnye otnosheniya, Fakul'tet svobodnykh iskusstv i nauk SPbGU Publ., 2015. 328 p. (in Russian).
 4. Raskov D. Rhetoric of New Institutional Economics. *Voprosy Ekonomiki*, 2010, no. 5, pp. 81–95 (in Russian). <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2010-5-81-95>
 5. Merton R. K. The Matthew effect in science, II: Cumulative advantage and the symbolism of intellectual property. *Isis*, 1988, vol. 79, iss. 4, pp. 606–623. <https://doi.org/10.1086/354848>
 6. Pilkina M., Lovakov A. Gender disparities in Russian academia: A bibliometric analysis. *Scientometrics*, vol. 127, no. 6, pp. 3577–3591. <https://doi.org/10.1007/s11192-022-04383-w>, EDN: ODFUYI
 7. Demchenko A. M., Kremnev V. V., Neverov A. N., Neverova A. V., Pyanykh D. S. Trust in sources of information in the conditions of its redundantly: Economic-psychological and neuroeconomic aspects. *Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences*, 2022, vol. 2, no. 2, pp. 64–78 (in Russian). https://doi.org/10.38098/proceedings_2022_02_02_06, EDN: SMVZKY
 8. Neverov A. N., Latkov A. V. To the question about economic space essence. *Journal of Psycho-Economics*, 2015, vol. 2 (8), no. 1, pp. 30–51 (in Russian). EDN: WEBPNJ
 9. Demchenko A., Kremnev V., Neverov A., Pyanykh D., Gusarov Yu. The influence of friendly and hostile information on economic behaviour in the context of geopolitical confrontation. *Ergodesign*, 2023, vol. 2023, no. 1 (19), pp. 69–80 (in Russian). <https://doi.org/10.30987/2658-4026-2023-1-69-80>, EDN: ROLXGN
 10. Kazennov D. K. *Zhizn' bez Boga: gde i kogda poyavilis' glavnye religioznye idei, kak oni izmenili mir i pochemu stali bessmyslennymi segodnya* [Life without God: Where and when the main religious ideas appeared, how they changed the world and why they became meaningless today]. Moscow, Eksmo, 2014. 480 p. (in Russian).
 11. Fenin K. V., Bulusheva A. A., Ryabova V. S., Shchetinina A. R. The reasons for the difficulty in assessing the economic efficiency of education and discrimination in the remuneration of its employees in the recent history of Russia. *University Proceedings. Volga Region. Economic Sciences*, 2019, no. 2 (10), pp. 50–62 (in Russian). <https://doi.org/10.21685/2309-2874-2019-2-6>, EDN: PXBYHZ
 12. Kapelyushnikov R. I. On current state of economics: Subjective semi-sociological observations. *Voprosy Ekonomiki*, 2018, no. 5, pp. 110–128 (in Russian). <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-5-110-128>, EDN: UNYYZD
 13. Greber D. *Bredovaya rabota. Traktat o rasprostraneni besmyslennogo truda* [Crazy job. A treatise on the spread of meaningless labor]. Moscow, Ad Marginem Press, 2025. 368 p. (in Russian).
 14. Dvornikova O. F., Spasennikov V. V., Dvornikov S. V. Managing the scientific activity of creative employees in higher education using scientometric indicators. *Ergodesign*, 2023, vol. 2023, no. 1 (19), pp. 3–12 (in Russian). <https://doi.org/10.30987/2658-4026-2023-1-3-12>, EDN: ZEFYTY
 15. Spasennikov V. V., Skancev V. M., Molchanova N. V. Lecturers' publication activity and productivity in the mirror of scientometry. *Ergodesign*, 2022, no. 1 (15), pp. 55–65 (in Russian). <https://doi.org/10.30987/2658-4026-2022-1-55-65>, EDN: QFRPBR
 16. Akerlof J. A. The market for “lemons”: Quality uncertainty and the market mechanism. *THESIS*, 1994, no. 5, pp. 91–104 (in Russian).
 17. Ioannidis J. P. A. Why Most Published Research Findings Are False. *PLOS Medicine*, 2022, vol. 2, iss. 8, art. e124. <https://doi.org/10.1371/journal.pmed.0020124>
 18. Fenin C. V. The origin and development of economic hermeneutics inside Soviet Marxism and neoclassical synthesis. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 4–9 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-1-4-9>, EDN: DZPMDC

Поступила в редакцию 20.12.2025; одобрена после рецензирования 26.12.2025; принята к публикации 29.12.2025
 The article was submitted 20.12.2025; approved after reviewing 26.12.2025; accepted for publication 29.12.2025